

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.15>

Берберова Лиана Бурхановна

Языковые средства создания образа главного героя в романе Ф. С. Фицджеральда "Великий Гэтсби"

В статье рассматриваются языковые особенности романа классика американской литературы Ф. С. Фицджеральда "Великий Гэтсби". Цель исследования - идентификация основных языковых средств, способствующих объективной портретизации главного героя. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в полном объеме описывается функциональная роль используемых автором эпитетов, метафор, антитез, гипербол, перифраз, приемов экспрессивного синтаксиса, в совокупности воссоздающих физический и психологический облик Джея Гэтсби - яркого представителя "века джаза". Полученные результаты показывают высокую степень художественного мастерства Ф. С. Фицджеральда, способного вложить в семиотику антропологического портрета множество культурных смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 85-88. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов стран зарубежья

Foreign Literature

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.15>

Дата поступления рукописи: 18.07.2020

В статье рассматриваются языковые особенности романа классика американской литературы Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби». Цель исследования – идентификация основных языковых средств, способствующих объективной портретизации главного героя. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в полном объеме описывается функциональная роль используемых автором эпитетов, метафор, антитез, гипербол, перифраз, приемов экспрессивного синтаксиса, в совокупности воссоздающих физический и психологический облик Джея Гэтсби – яркого представителя «века джаза». Полученные результаты показывают высокую степень художественного мастерства Ф. С. Фицджеральда, способного вложить в семиотику антропологического портрета множество культурных смыслов.

Ключевые слова и фразы: американская проза; Ф. С. Фицджеральд; «Великий Гэтсби»; антропоцентризм; главный герой; язык; тропы; контраст; экспрессивный синтаксис.

Берберова Лиана Бурхановна, к. пед. н.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
berberova.liana@yandex.ru

Языковые средства создания образа главного героя в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»

Язык и литература неразделимы. Каждый писатель для создания своего художественного мира, в том числе колоритных, запоминающихся персонажей, использует определенный арсенал поэтологических средств. Недаром на правах полноценных литературоведческих категорий на филологической дискурсивной арене фигурируют выражения «язык Пушкина», «язык Шекспира», «язык Маяковского» и т.п. В особенности продуманный, филигранный язык требуется для создания центрального персонажа, поскольку за ним стоит «не отдельный человек, а общия, существенные свойства людей, как универсальные, так и присущие людям определенного типа, характера, поколения» [10, с. 253].

Стремительное развитие антропоцентрического литературоведения в XXI веке поставило во главу угла исследование конкретного живого человека, качествами которого определяются особенности его социально-исторического контекста. Как отмечает Л. П. Егорова, на рубеже тысячелетий «текстоцентризм сменился “героцентризмом”, вниманием к конкретному носителю общечеловеческих ценностей, к процессу самопознания человека» [1, с. 8]. С этой точки зрения особый научный интерес представляет стилистический анализ художественных текстов мировой классики, в которых «героцентризм» изначально маркирован на уровне заголовка присутствием в нем имени героя-протагониста.

Актуальность такого рода исследовательских работ обусловлена необходимостью глубокого постижения антропоцентрического дискурса отечественной и зарубежной литературы. Исключением не является и настоящая статья. В ней намечено решение нескольких исследовательских *задач*: методом сплошной выборки выявить основной перечень изобразительно-выразительных средств; обосновать их функциональные роли; определить онтологический статус главного героя. В работе в основном использован онтологический *метод* анализа текста, разработанный Л. В. Карасевым [2], К. К. Султановым [5], Н. А. Шогенцуковой [8], М. Н. Эпштейном [9].

Труды названных авторов, посвященные выявлению взаимосвязи между литературным героем и «общечеловеческим бытием» [2, с. 695], составили *теоретическую базу* данного исследования. *Практическая значимость* работы заключается в возможности ее использования в вузовских курсах истории литературы США, а также в спецкурсах, посвященных творчеству Ф. С. Фицджеральда.

На наш взгляд, роман классика американской литературы Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби» (1925 г.) – одно из самых совершенных произведений в истории мировой культуры не только в философско-эстетическом, но и языковом измерении. Здесь сразу в качестве «заметки на полях» отметим, что в данной статье объектом нашего исследования является не английский подлинник «Великого Гэтсби», а его перевод

на русский язык. Правомерность своего решения мы объясняем высоким уровнем переводческого искусства Е. Калашниковой, которая отнеслась с исключительным «профессиональным вниманием к концептосфере оригинала» [3, с. 37].

Каждый из героев анализируемого романа глубоко и всесторонне обрисован автором: нам известно все об их социальном статусе, нравственных ценностях, манере одеваться, говорить, радоваться, печалиться и т.д. Все они живые, пластичные, одушевленные и по-своему одухотворенные, фотогеничные и кинематографичные личности – недаром режиссеров самых разных поколений, как магнитом, притягивает магия романа, особенно колоритный, сложный, далеко не однозначный образ главного героя.

В нашем представлении Джей Гэтсби – глубоко трагическая личность. Его трагедия обусловлена тем, что он – абсолютный романтик по духу, которому по иронии судьбы выпала незавидная участь жить в чуждое для него время в чуждой среде. В другое, менее меркантильное, время он, несомненно, любил бы свою избранницу и был бы любим ею, но «империя капитала» заставляет его мимикрировать, «притворяться», фактически играть роль уважаемого богача-миллионера. Когда Гэтсби понял, что современное общество превратило любовь в экономическую категорию, он решает добиваться любви Дэйзи соответствующей «валютой», то есть посредством именно экономических ценностей, которые антропологически ему чужды, но с учетом приоритетов времени они ему жизненно необходимы для достижения своей высокодуховной цели.

Таким образом, одна из сущностных черт Гэтсби – его внутренняя противоречивость, которая в языковом плане выражается обилием бинарных оппозиций, антиномий, антитез. Принцип контраста определяет образ героя-протагониста и пронизывает весь предметно-духовный контекст его жизни. Основа трагедии героя – «несоответствие между господствующей формулой личного материального преуспевания и вечными моральными ценностями» [7, с. 308]. Следовательно, одно из ключевых языковых средств в характеристике образа Гэтсби – антитеза, то есть стилистическая фигура контраста, резко выраженное противопоставление понятий или явлений в художественной речи.

Определимся сразу, что принцип «двоемирия» автор задает с самого начала повествования в пространственно-географическом отношении, подчеркивая контраст между Ист-Эггом (East Egg) и Уэст Эггом (West Egg) [6, с. 7]. На суггестивном контрасте держится и заголовок романа. Согласимся, в выражении «великий Гэтсби», с одной стороны, содержится действительное величие героя, который на «алтарь любви» поставил всю свою жизнь. Но есть в заголовке и тонкая ироническая насмешка автора над человеком, который на недостойнейший объект (Дэйзи) потратил всю свою жизненную энергию, интеллект, денежные средства, талант и т.д. Контраст между триумфальным началом повествования и его катастрофическим концом выражен целой серией контекстуальных антитез на тему «было» и «стало»:

- роскошная вилла [Там же] – нелепая хоромина [Там же, с. 134];
- зеленый газон [Там же, с. 8] – лохматая трава [Там же, с. 62];
- великолепные празднества [Там же, с. 47] – похороны [Там же, с. 123];
- известные люди, знаменитости [Там же, с. 68] – никто [Там же, с. 129];
- оркестр в полном составе [Там же, с. 31] – тишина, безлюдье [Там же, с. 130];
- белый фланелевый костюм [Там же, с. 63] – защитный брезент над могилой [Там же, с. 129];
- многолюдные сборища [Там же, с. 39] – единственный отец [Там же, с. 123];
- мраморная лестница [Там же, с. 40] – непристойное слово на белых ступенях [Там же, с. 134];
- сигнальный фонарь [Там же, с. 19] – зеленый огонек [Там же, с. 134];
- роскошный лимузин [Там же, с. 48] – гроб, катафалк [Там же, с. 125].

Эпитетами «расфранченный хлыщ», «изысканные обороты речи», «смехотворное пристрастие», «большой и средний свет», «веселый рой», «победная триоль клаксона», «незаурядная личность», «уклончивые банальности», «причудливые обвинения», «жутковатая тайна», «безвременно угасший род», а также перифразами (иносказаниями) «бутлегер», «племянник фон Гиндербурга», «молодой Раджи», «троюродный брат дьявола», вложенными в уста Ника Каррауэя и многочисленных гостей, создается образ Джей Гэтсби как таинственной личности с загадочной личной и сословно-фамильной историей. Встречается и такое необычное языковое средство, как иронический, парадоксальный алогизм в обрисовке образа Гэтсби: «Он убил человека, который об этом проведал» [Там же, с. 47]. Люди подсознательно чувствуют, что сам Гэтсби и его «официальная биография» не совпадают. Внутри главного героя «сидит» скромный провинциал, о чем свидетельствует постоянно повторяемое простонародное обращение к другу «старина» [Там же, с. 100], а также утрированное желание выразиться «по-благородному», особенно когда речь идет об Оксфорде.

Кульминационным моментом произведения является эпохальная встреча Гэтсби с Дэйзи через пять лет. Здесь автор использует несколько другие языковые средства для обрисовки образа главного героя. Например, сравнение, выражающее крайнюю степень его волнения, – «бледен, как смерть» [Там же, с. 65], лихорадочность его действий перед приездом гостя – «словно марионетка на ниточке» [Там же]. В уста Ника Каррауэя автор вкладывает гиперболы, передающие уровень состоятельности своего соседа, монументальности его дома, пышности флористического убранства, – «Твой дом выглядит как павильон Всемирной выставки» [Там же, с. 61], «целая оранжерея цветов» [Там же, с. 63].

Гэтсби понимает, что встреча с Дэйзи имеет для него судьбоносное значение. Он потерял покой, у него взбудораженное состояние, он сильно нервничает, переживает. Скотт Фицджеральд, будучи тончайшим психологом, мастерски передает стресс влюбленного человека посредством экспрессивного синтаксиса, в частности незаконченными предложениями: «И потом еще кое-что...»; «То есть...»; «Вы уж извините, если я...» [Там же, с. 62] и др. Данные высказывания являются ничего не значащими отрывками его

напряженного диалога с самим собой. Для таких «полупредложений» характерны многоточия, свидетельствующие о периодическом уходе героя вглубь своего Я. Прямые и риторические вопросы с самоповторами – еще один стилистический прием, используемый автором для передачи интенсивной внутренней жизни Гэтсби, который отрешен от внешних обстоятельств: «Какая трава? Ах, газон!»; «А у вас есть все для... ну, для чая?»; «Никак не могу...» [Там же, с. 63]. Обращает также внимание продуктивное использование автором междометий «ах!», «ну!» [Там же, с. 67], повторов «боже мой!» [Там же, с. 66], «ужасная ошибка» [Там же], эпитета «спасительная суета» [Там же], метафоры «волнение погнало его вокруг дома» [Там же], а также эмоционально окрашенных глаголов «простонал» [Там же], «испугался» [Там же]. Ироническим сравнением «радостно улыбнулся как метеоролог» [Там же, с. 67], эпитетом «блаженный покой» [Там же, с. 69], метафорой «солнце сияло» [Там же] в тексте передается умиротворенное состояние Гэтсби в момент свидания с возлюбленной.

По сюжету, Джей Гэтсби знает, что завоевать сердце Дэйзи можно, только произведя на нее впечатление деньгами, золотом, богатством, поэтому в пылу страсти обрушивает на нее сотни сорочек разных фирм, разного цвета, разной расцветки. Здесь автор использует прием не просто гиперболы, а художественной каталогизации: «Он вытащил стопку сорочек и стал метать их перед нами одну за другой; сорочки плотного шелка, льняного полотна, тончайшей фланели, развертываясь на лету, заваливали стол многоцветным хаосом. Видя наше восхищение, он схватил новую стопку, и пышный ворох на столе стал еще разрастаться – сорочки в клетку, в полоску, в крапинку, цвета лаванды, коралловые, салатные, нежно-оранжевые, с монограммами, вышитыми темно-синим шелком. У Дэйзи вдруг вырвался сдавленный стон, и, уронив голову на сорочки, она разрыдалась. “Такие красивые сорочки, – плакала она, и мягкие складки ткани глушили ее голос. – Мне так грустно, ведь я никогда... никогда не видала таких красивых сорочек”» [Там же, с. 69-70]. На стр. 47 приводится сходное каталогическое перечисление сотен имен «престижных» и анонимных гостей «великого Гэтсби», воссоздающее атмосферу «лихорадочного веселья», избыточности людей и роскоши.

Джей Гэтсби находится в эпицентре «джазовой лихорадки». Вокруг него концентрическими кругами вертятся вихри танца, человеческих страстей, драм, трагических коллизий. В этом смысле важную роль в раскрытии образа главного героя и контекста его социального бытия, похожего на «светомузыку», играют цветообозначения. Кроме классических «семи цветов радуги» здесь встречается большое количество экзотических, как сама эпоха джаза, цветов: цвет лаванды, коралловый, салатный, нежно-оранжевый, темно-синий, золотисто-розовый, матово-золотой, «машина цвета густых сливок», «брюки цвета жженого сахара» и т.д. Сам автор такое буйство колорита называет «многоцветным хаосом» [Там же, с. 69].

Джей Гэтсби – настоящий американец по своей ментальности, если учесть код его жизни “self-made man”, что в переводе означает «человек, который сделал самого себя». Во-первых, об этом говорит и номинологическое средство, использованное автором: был Джеймс Гетц, стал Джей Гэтсби. Во-вторых, текст его «Расписания» [Там же, с. 128] с четкими задачами и обилием глаголов повелительного наклонения «не тратьте время», «бросить курить», «принимать ванну», «прочитывать каждую неделю одну книгу или журнал для общего развития», «откладывать деньги», «лучше относиться к родителям». Вся перечисленная нами здесь «духовно-нравственная лексика» органично дополнена лексикой «спортивно-оздоровительного» характера, подтверждая разумный характер расписания Гэтсби, направленного на воспитание гармоничной, всесторонне развитой личности.

Согласно нашим исследованиям, автор «лепит человека» [4, с. 34], используя четыре основных способа создания персонажа: авторская характеристика; самохарактеристика через поступки; характеристика, данная другими персонажами; метод контраста, когда герой оттеняется другим, противоположным героем. В краткой форме рассмотрим все эти авторские языковые приемы. Что касается авторской характеристики, то С. Фицджеральд здесь использовал необычный художественный прием, который условно можно назвать «сосед-свидетель». Речь идет о Нике Каррауэйе, который, являясь соседом главного героя, дает ему пролонгированную характеристику, меняющуюся по мере эмоционально-дружеского сближения с ним. Сначала в обрисовке Джея Гэтсби преобладают сарказм и ирония, призванные подчеркнуть его показное материальное благополучие. В частности, это проявляется в своеобразных гиперболических фигурах, где космические, астральные объекты иронически приписываются богатому соседу: «...интересно, какая же часть уэст-эггского неба по праву причитается ему» [6, с. 19], «...скороспелая луна, доставленная, должно быть, в корзине вместе с закусками» [Там же, с. 34].

Постепенно Каррауэй декодирует истинную сущность «расфранченного хлыща» [Там же, с. 38], который на самом деле оказывается романтичным, ранимым и дружелюбным человеком-альтруистом: «...он улыбнулся мне ласково, – нет, гораздо больше, чем ласково. Такую улыбку, полную неиссякаемой ободряющей силы, удастся встретить четыре, ну – пять раз в жизни. Какое-то мгновение она, кажется, вбирает в себя всю полноту внешнего мира, потом, словно повинувшись неотвратимому выбору, сосредотачивается на вас. И вы чувствуете, что вас понимают ровно настолько, насколько вам угодно быть понятым, верят в вас в той мере, в какой вы в себя верите сами, и, безусловно, видят вас именно таким, каким вы больше всего хотели бы казаться» [Там же]. Повтор слов «улыбка», «ласково», «вера», «понимать» подчеркивает богатство внутренне-го мира Гэтсби, его внимание к ближнему, абсолютную беззлобность.

При этом характеристика, данная Гэтсби другими персонажами, «прямо перпендикулярна» воззрениям Ника Каррауэйя. Не в силах разгадать источник его респектабельности, они приписывают ему множество мнимых преступлений, вплоть до убийства человека. Лицемерие окружающих его людей подчеркивается их двойственным отношением к герою: с одной стороны, они подозрительно к нему относятся и недолголюбивают, а с другой – принцип «ярмарки тщеславия» обязывает их принимать самое активное участие в уик-эндах Гэтсби.

Бесспорно, в художественном измерении героями-антагонистами в романе выступают Джей Гэтсби и Том Бьюкенен. Последний изображается «соавтором» Фицджеральда как полная противоположность романтическому нуворишу, готовому за любовь отдать все ценности мира, в том числе собственную жизнь. «Это был плечистый тридцатилетний блондин с твердо очерченным ртом и довольно надменными манерами. Но в лице главным были глаза: от их блестящего дерзкого взгляда всегда казалось, будто он с угрозой подается вперед. Даже немного женственная элегантность его костюма для верховой езды не могла скрыть его физическую мощь; казалось, могучим икрам тесно в глянцевитых крагах, так что шнуровка вот-вот лопнет, а при малейшем движении плеча видно было, как под тонким сукном ходит плотный ком мускулов. Это было тело, полное сокрушительной силы, – жестокое тело» [Там же, с. 8-9].

Характеризуя его психологический облик, автор далее использует такие определения, как «резкий, хриловатый тенор», «человек с норовом», «нотка презрительной снисходительности» [Там же, с. 9]. О подсознательном желании Тома доминировать над партнером красноречиво свидетельствует сравнение, используемое автором: «Том Бьюкенен, властно прижав мускулистой рукой мой локоть, вывел меня из комнаты, точно шахматную фигуру переставил с клетки на клетку» [Там же, с. 12].

Что касается самохарактеристики через поступки, то именно этот художественный прием дает автору право назвать своего главного героя «великим». По существу, судя по сюжету, он совершает три неординарных поступка за свою достаточно короткую жизнь, которые показали красоту и величие его души, целеустремленность, редкое умение любить. Первый поступок, как мы обозначили выше, – это способность на волевое решение ради любой женщины. Второй поступок, характеризующий его готовность к самопожертвованию ради любви, естественно, связан с историей дорожного преступления Дэйзи, которую он забрал с собой в могилу, навсегда избавив ее от тюремного заключения. Третий поступок – вся его биография, которой молодой человек призвал современный ему прагматичный мир, меркантилизирующийся от года к году, к сохранению абсолюта любви.

Такова вкратце языковая картина романа Скотта Фицджеральда, в частности, тот ее «сектор», который работает на создание образа одного из самых ярких героев в зарубежной литературе – Джей Гэтсби.

Выводы. Как показало проведенное нами исследование, С. Фицджеральд в своем романе для создания максимально выразительного портрета героя-протагониста использует целый арсенал выразительных средств: эпитеты, метафоры, сравнения, гиперболы, антитезы, а также приемы, имеющие отношение к экспрессивному синтаксису. Их основная функциональная роль – подчеркнуть амбивалентную жизненную позицию Джей Гэтсби – дельца с душой романтика. Онтологический статус героя определяется прилагательным «великий», отражающим абсолют его преданности любви как высшей ценности бытия. **Направление дальнейших исследований** видится в описании языковой личности других героев-протагонистов в произведениях мировой классики.

Список источников

1. Егорова Л. П. Гамбургский счет антропоцентрического литературоведения // Антропоцентрическая парадигма в филологии: материалы Международной научной конференции (г. Ставрополь, 14-15 мая 2003 г.). Ставрополь, 2003. Ч. I. Литературоведение. С. 3-15.
2. Карасев Л. В. Онтологическая поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2003. С. 694-695.
3. Кучукова З. А. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии): автореф. дисс. ... д. филол. н. Нальчик, 2006. 41 с.
4. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейна, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 512 с.
5. Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
6. Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. Романы / пер. с англ. М.: Советский писатель, 1992. 448 с.
7. Шабловская И. В. История зарубежной литературы XX века (первая половина): учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Мн.: Экономпресс, 1998. 382 с.
8. Шогенцукова Н. А. Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995. 232 с.
9. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX-XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
10. Юркина Л. А. Портрет // Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. С. 251-263.

Linguistic Means for Creating Protagonist's Image in F. S. Fitzgerald's Novel "The Great Gatsby"

Berberova Liana Burkhanovna, PhD

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
berberova.liana@yandex.ru

The article examines linguistic features of the novel "The Great Gatsby" by the American classical writer F. S. Fitzgerald. The study aims to identify the main linguistic means contributing to objective creation of the protagonist's portrait. Scientific novelty of the work lies in the fact that the functional role of the epithets, metaphors, antitheses, hyperboles, periphrases, devices of expressive syntax used by the author and together recreating a physical and psychological image of Jay Gatsby, a prominent representative of the Jazz Age, is described to its fullest extent for the first time. The attained results have shown a high degree of F. S. Fitzgerald's artistic skill, who was able to put many cultural meanings into semiotics of an anthropological portrait.

Key words and phrases: American prose; F. S. Fitzgerald; "The Great Gatsby"; anthropocentrism; protagonist; language; tropes; contrast; expressive syntax.